

УДК 81-2

Филологические науки

Механизм процесса перевода определяется поисками смыслов текста оригинала. Данная статья раскрывает содержание понятия «модальный смысл», которое является ключевым при переводе художественного произведения. Сравнительный анализ транспонирования модального смысла оригинала на английский язык выполнен на примере поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» и трех англоязычных переводов данного произведения.

Ключевые слова и фразы: смысл текста; модальный смысл; переводческое пространство; перевод художественного произведения; когнитивная лингвистика.

Мороз Наркиза Абриковна, к. филол. н.

Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права
narkiza-moroz@mail.ru

ПЕРЕВОД КАК СОВОКУПНОСТЬ КОГНИТИВНЫХ ОПЕРАЦИЙ НАД СМЫСЛАМИ ОРИГИНАЛЬНОГО ТЕКСТА[©]

Современное переводоведение развивается под воздействием когнитивной лингвистики и психолингвистики. В связи с этим нам представляется важным и значимым выявление характера действий переводчика и его коммуникативный успех при трансляции текста с одного языка на другой. В последнее время в научных кругах всё чаще используется новый термин – «переводческое пространство». По нашему мнению, одной из перспективнейших работ в этом направлении следует признать исследование Л. В. Кушниной, где продемонстрирована оригинальная концепция переводческого пространства на примере перевода художественного текста. Понятие «переводческое пространство» у Л. В. Кушниной объяснено как «форма бытия межъязыкового и межкультурного взаимодействия, проявление переводческой картины мира, которое отражает реально существующий континуум процессов и отношений, возникающих при переводе текста с одного языка на другой, из одной культуры в другую» [3, с. 41].

Очевидно, что с точки зрения когнитивной науки, в том числе и когнитивной лингвистики, переводческое пространство существует лишь в сознании транслятора или переводчика и является адекватным и точным отражением его мироощущения и восприятия действительности. Это объясняется, в первую очередь тем, что само пространство является философским понятием и представляет собой попытку воссоздания фактов и ощущений. Пространство переводчика возникает в результате познавательного восприятия действительности, которое проявляется в поведении и деятельности человека, т.е. на основе его жизненного и личного культурного опыта. Соответственно, переводческое пространство не может быть объяснено только с точки зрения эмпирического подхода к научному познанию.

Кроме того, алгоритм переводческого процесса, а также его свойства связаны прочно с исследованиями смысла текста. Отметим, что нужно различать два понятия – смысл и значение. «Различие свойств значения и смысла определяет известный постулат о том, что значение принадлежит плану содержания языка, а смысл является структурным элементом сознания» [2, с. 112].

Смысл текста не возникает без реципиента, т.е. человека, воспринимающего этот текст. Соответственно, при переводе смысл текста «рождается» в сознании переводчика, в его переводческом пространстве. Л. В. Кушнина демонстрирует этот смысл посредством категории образа – гештальта текста, являющегося единицей при анализе смысла текста или единицей перевода. Смысл в тексте оригинала при переводе «транспонируется» в смыслы иноязычного текста, разделяясь на множество смыслов, которые в работе Л. В. Кушниной названы «дифференциальными» [3, 74].

Природа дифференциальных смыслов может быть представлена следующим образом. Модальный смысл оригинала – это значимый, глубинный смысл, который определен в тексте самим автором оригинала. Индивидуально-образный смысл отражает поле переводчика – интерпретатора художественного произведения. Ассоциативно-семиологический смысл в объемном понимании характеризует культуру в целом и межкультурную коммуникацию, т.е. смысл, который возникает в ходе культурно-исторического развития того или иного общества. Рефлексивный смысл отражает поле реципиента или читателя, а иррадиирующий смысл, возникающий из «многомыслия» текста, отражает энергетическое поле произведения или, другими словами, содержит его эмоциональное составляющее.

В рамках данной статьи попытаемся раскрыть содержание понятия «модальный смысл», которое является ключевым при трансляции художественного текста на любой иностранный язык.

Очевидно, что модальный смысл является собирательным и объективным понятием, посредством которого обозначается совокупность различных взглядов на мир автора произведения, раскрывая его ценностные установки и нравственные ориентиры. Данный смысл – отражение представления автора о самом себе, его соотнесение себя с определенным социумом и причисление к определенному классу. Авторская позиция является значимым ориентиром при переводе, в связи с этим «первоочередное значение имеет передача внутреннего интертекстуального смысла, закладываемого в произведение» [Там же, с. 101].

Мировосприятие автора и его отношение к действительности во многом определяют субъективизм модального смысла. С целью его передачи транслятор должен использовать взаимодействие структур значения и смысла художественного замысла автора, т.е. переводчику приходится отходить от дословных характеристик,

описывающих авторскую позицию и его отношение к контексту. Степень абстрактности перевода, определяемая значением модальности, зависит как от стиля и жанра переводимого произведения, выразительных и повествовательных средств и приёмов, использованных автором оригинала, так и от персонифицированных данных автора. Известно, что благодаря модальности субъект речи наиболее ясно выражает свой авторский замысел, убеждая реципиента принять его отношение к действительности. Л. М. Лапп в своих работах доказывает, что «модальность текста, таким образом, способствует персонификации субъекта речи в тексте» [4, с. 101].

Рассмотрим и проанализируем проявление модального смысла в произведении Н. В. Гоголя «Мёртвые души» и в его вариантах, представленных на английском языке. По нашему мнению, в поэме автор выступает как безучастный, но не сторонний наблюдатель. Речь самого автора насыщена элементами иронии и насмешкой. На примере следующего эпизода поэмы проследим, каким образом особенности языка автора транслируются различными переводчиками и как отражён при этом модальный смысл произведения: «*Но обо всём этом читатель узнает постепенно и в своё время, если только будет иметь терпение прочесть предлагаемую повесть, очень длинную, имеющую после раздвинуться шире и просторнее по мере приближения к концу, венчающему дело*» [1, с. 18].

Анализ англоязычных переводов продемонстрировал следующее. Сходство грамматической структуры предложений оригинала и переводов, замеченное нами у Р. Магуайра, в целом позволило ему адекватно передать тон автора, обращаясь к своему реципиенту, обезличивая себя: «*But about all this the reader will learn gradually and in good time*» [8, p. 21]. Модальность у К. Инглиша, несмотря на идентичность грамматической конструкции, передана с неточностями: «*But the reader will be apprised of all this gradually and in good time, if he has the patience to read through the story we offer him*» [6, p. 17]. Судя по всему, переводчик сравнивает себя в тексте с «коллегой» Н. В. Гоголя, транслируя словосочетание «*предлагаемую повесть*» как «*повесть, которую мы предлагаем*». Проведённый нами анализ, позволяет сделать вывод, что для автора не свойственно повествование от первого лица во множественном числе. В переводе Д. Хогарта, идентичном по конструкции и характеру отражения модального смысла, тем не менее, мы отмечаем меньшую степень калькирования, нежели у Р. Магуайра и К. Инглиша: «*the reader will learn if only he will have the patience to read this prefatory narrative*» [7, p. 24].

Модальный смысл автора акцентирован в отрывке, воспевающем Русь. Данный фрагмент произведения выделяется среди остальных своей жанровой принадлежностью. Общеизвестно, что в основе произведений Н. В. Гоголя юмор, сатира, обличительная проза, яркие и самобытные портреты персонажей поэмы. Но данный фрагмент выделяется из общей картины, его можно охарактеризовать как хвалу или гимн-восхваление Руси. Об этом свидетельствуют языковые средства Н. В. Гоголя, настроение автора и его обращение к необычным грамматическим структурам [5, с. 125]: «*Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу*». Соответственно и характер переводов его произведений напрямую связан с данной спецификой гоголевского слога.

В этом фрагменте больше других при трансляции модального смысла был успешен Р. Магуайр, который сумел перенять эмоции Н. В. Гоголя и придать им адекватную вербальную оболочку: «*Rus! Rus! I see thee, from my wondrous, beautiful far-away*» [8, p. 125]. Именно Р. Магуайр прочувствовал модальность автора и не вышел за рамки того литературного жанра, в котором изложен данный отрывок. Переводы К. Инглиша и Д. Хогарта, напротив, лишены указанных языковых средств, они калькируют «материал», предложенный Н. В. Гоголем, не транслируя адекватно его модальный смысл.

Яркие характерные черты героев в произведении Н. В. Гоголя в наибольшей степени прослеживаются в образе помещиков. Проанализируем еще один общеизвестный эпизод поэмы, описывающий появление Плюшкина, в котором отчетливо прослеживается интерес Н. В. Гоголя к деталям, способным передать реципиенту истинное отношение к своему персонажу. Давая описание помещику, автор насмехается, говоря, что «*никакими средствами и стараниями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его халат*» [1, с. 131].

Анализируя подходы К. Инглиша и Р. Магуайра, можно резюмировать, что транспонирование модального смысла данными переводчиками осуществлено успешно как с точки зрения лексики, так и фразеологии. Им удалось транслировать настроение, иронию и насмешку Н. В. Гоголя и передать их реципиенту с минимальными неточностями. Модальный смысл в указанных англоязычных работах раскрыт, по нашему мнению, глубоко, учитывая стиль Н. В. Гоголя. Приведем строки из данных переводов, в качестве иллюстрации: «*by no efforts or devices could one possibly divine of what his dressing-gown was concocted: the sleeves and upper skirts were shiny and greasy to a point where they shone like boot-leather*» [6, p. 145]; «*Wound round his neck was something, whether a stocking, or a garter, or a stomacher could not be made out; but certainly it was not a cravat*» [8, p. 178].

Изучив переведенный текст Д. Хогарта, отметим, что его интерпретация существенно отличается от оригинального источника. Переводчик, по нашему мнению, намеренно не транслировал «игру слов» Н. В. Гоголя, ограничившись портретным описанием Плюшкина. При этом были опущены смысловые, наиболее значимые с точки зрения когнитивного познания, моменты. Таким образом, англоязычный реципиент лишился возможности «домыслить» и «дорисовать» портрет Плюшкина: «*In no way could it have been guessed of what his coat was made, for both its sleeves and its skirts were so ragged and filthy as to defy description*» [7, p. 188].

Таким образом, стремление к точной передаче модального смысла, реализуемое посредством использования дословных конструкций и нулевого перевода, не всегда способствует достижению поставленной цели, о чём свидетельствует приведённый выше анализ.

В ходе сопоставительного изучения оригинала и текстов перевода нами было установлено, что в отношении транспонирования модального смысла большей эквивалентности добился Р. Магуайр, так как его вариант интерпретировал выразительность и эмоциональность языка Н. В. Гоголя буквально. Отметим, что в переводе К. Инглиш пытается решить эту сложную для себя задачу, представившись в тексте в качестве «коллеги» Н. В. Гоголя. При этом у Д. Хогарта была найдена неточная интерпретация ряда языковых реалий русской культуры, что также привело к неадекватной передаче иронической модальности гоголевского текста.

Подводя итог, согласимся с теорией Л. В. Кушниной о том, что «процесс перевода воспринимается как совокупность операций над смыслами оригинального текста, проводимых переводчиками. При переводе происходит постоянный динамический синергетический процесс транспонирования смыслов оригинала в смысл текста перевода» [3, с. 18]. При анализе англоязычных переводов поэмы «Мёртвые души» объектом нашего исследования выступает текст как предмет пересечения двух языков и культур, где происходит взаимодействие и транспонирование смыслов оригинального текста с переведенными текстами [5, с. 131]. Интерпретация модального смысла художественного произведения при этом является одним из ключевых критериев оценивания коммуникативно-посреднической и когнитивной деятельности переводчика.

Список литературы

1. Гоголь Н. В. Избранные сочинения: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 2. 495 с.
2. Кравченко О. В., Кравченко М. А. Взаимодействие структур значения и смысла как механизм создания явлений языкового абсурда в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. 2. С. 112-114.
3. Кушнина Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства: монография. Пермь, 2009. 196 с.
4. Лапп Л. М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1993. 218 с.
5. Мороз Н. А. Лингвокогнитивные аспекты перевода поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» на английский язык: дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2010. 203 с.
6. Gogol N. Dead Souls / translated by C. English. M.: Raduga Publishers, 1987. 423 p.
7. Gogol N. Dead Souls / translated by D. J. Hogarth. Dover, 2003. 296 p.
8. Gogol N. Dead Souls / translated by R. A. Maguire. N. Y. – London: Penguin Books, 2004. 465 p.

TRANSLATION AS AN INTEGRITY OF COGNITIVE OPERATIONS OVER THE MEANINGS OF AN ORIGINAL TEXT

Moroz Narkiza Abrikovna, Ph. D. in Philology
Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law
narkiza-moroz@mail.ru

The mechanism of the process of translation is determined by the search for the meanings of an original text. The article reveals the content of the conception “modal meaning” which is a key one while translating a piece of literature. Comparative analysis of the transposition of the modal meaning of the original into the English language is carried out by the example of the poem by N. V. Gogol “Dead Souls” and three English translations of this work.

Key words and phrases: meaning of a text; modal meaning; translation space; translation of a literary text; cognitive linguistics.

УДК 81'373/81'374

Филологические науки

В данной статье на материале немецкого и русского языков рассматривается вопрос заимствования устойчивых словосочетаний из английского языка. Центральное место в статье отводится выявлению роли калькирования устойчивых словосочетаний в настоящее время в двух европейских языках, в разной степени отличающихся своим строем от английского языка. При этом устанавливается, какие формы заимствованных устойчивых словосочетаний (оригинальные или переводные) преобладают в современном немецком и русском языках.

Ключевые слова и фразы: устойчивое словосочетание; фразеологизм; коллокация; прямое заимствование; калькирование; калька.

Нефедова Любовь Аркадьевна, д. филол. н., профессор
Московский педагогический государственный университет
nefedoval@yahoo.com

Поляков Олег Геннадьевич, д. пед. н., профессор
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
olegro@rambler.ru

ЗАИМСТВОВАННЫЕ УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ПРЯМЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЛИ КАЛЬКИ? (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)[©]

Введение. Влияние английского языка на современные языки достигло такого размаха, что активно заимствуются не только отдельные слова, но и устойчивые словосочетания, в том числе такие, которые могут